

УДК 340.13,81,42,811.161.1
ББК 67.022.14+81
DOI 10.52433/01316761_2023_02_68
EDN: BZUAЕК

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА БАТЮШКИНА
**ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗАКОНА
И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА**

MARINA VLADIMIROVNA BATYUSHKINA

DISCURSIVE APPROACH TO THE RESEARCH OF LAW AND STATE LANGUAGE

Аннотация. В статье отражены результаты исследования законодательных текстов и языка их официального опубликования. Применяется дискурсивный подход, методология юридической лингвистики. Во-первых, в работе рассмотрены общие особенности юридического дискурса, в рамках которого создаются и применяются законы. Определены подвиды (правотворческий, правореализационный) и разновидности юридического дискурса (законотворческий, судебный и др.). Выявлены общие особенности юридического дискурса и его подвидов (разновидностей). Во-вторых, определена роль текста закона во взаимосвязи подвидов юридического дискурса, процессах правотворчества и правореализации. Уделено внимание причинам различного толкования законодательных норм: субъективному восприятию и интерпретации, изменению социального контекста, специфике изложения текста закона (терминологии, клише, синтаксическим особенностям и др.). Обозначены аспекты судебного толкования законов. Аргументирован вывод о влиянии правоприменения и судебной практики на процесс законотворчества. В-третьих, рассмотрена взаимосвязь юридических статусов закона и государственного языка (языка официального опубликования закона). Раскрываются проблемы формирования представлений о государственном языке (на основе опубликованных законодательных текстов). Обозначены специфика и проблемы жанрово-стилистической формы выражения права, источники вариативности изложения юридической информации.

Ключевые слова: юридический дискурс, текст закона, государственный язык, официальное опубликование, судебное толкование, нормы языка, вариативность

Abstract. The article reflects the results of the study of legislative texts and the language of the official publication of laws. The study uses the discursive approach, methodology of legal linguistics. Firstly, common features of the legal discourse, within which legislative texts are created and applied, have been considered. The subtypes of legal discourse (discourse of lawmaking / law enforcement), as well as its varieties (legislative, judicial discourse, etc.) have been defined. Common features of legal discourse and its subtypes (varieties) have been revealed. Secondly, role of the text of the law in the relationship of subtypes of legal discourse, procedures of lawmaking and law enforcement has been determined. The attention has been paid to the reasons for different interpretations of legislative provisions: subjective perception and interpretation, changes in the social context, specifics of presentation of the text of the law (terminology, cliches, syntactic features, etc.). Aspects of judicial interpretation of laws have been indicated. The conclusion about the impact of law enforcement and judicial practice on the process of lawmaking has been argued. Thirdly, the relationship between the legal statuses of the law and the state language (language of the official publication of the law) has been considered. The author reveals the problems of forming the ideas about the state language (on the basis of published legislative texts). The specifics and problems of the genre and style form of wording of law, as well as the sources of variability in the presentation of legal information, have been indicated.

Keywords: legal discourse, text of the law, state language, official publication, judicial interpretation, norms of language, variability

**МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА
БАТЮШКИНА**

Законодательное собрание Омской области,
консультант, кандидат педагогических наук,
член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам
г. Омск, Россия

**MARINA VLADIMIROVNA
BATYUSHKINA**

Legislative Assembly of the Omsk Region,
Consultant, Candidate of Pedagogical Sciences,
Member of the Guild of Linguistic Experts on Documentation and Information Disputes
Omsk, Russia,
soulangeana@mail.ru

Ссылка для цитирования статьи:

Дискурсивный подход к исследованию закона и государственного языка // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 68–75.

В каждом государстве для решения внешних и внутренних политических, экономических и иных задач целенаправленно моделируется внутригосударственный юридический дискурс, который отражает специфику языка, обычаев, норм и традиций, сменяющих друг друга национальных государственно-правовых систем. Для целей исследования под **юридическим дискурсом** понимается системно-когнитивно-коммуникативное моделирование и интерпретация государственно-правового регулирования общественных отношений¹.

Формирование и развитие внутригосударственного юридического дискурса основаны на взаимообусловленных процессах: с одной стороны, на создании и трансляции общеобязательных правил и алгоритмов действий, изложенных в виде правовых норм с помощью вербальных и невербальных средств; с другой стороны, на применении данных правовых норм (правил и алгоритмов действий) в конкретных ситуациях, создании текстов, которые шаблонизируют и детализируют такое применение.

В связи с этим можно говорить о таких взаимосвязанных частях (подвидах) внутригосударственного юридического дискурса, как **правотворческий дискурс**, в рамках которого осуществляется создание текстовых источников правовых норм, содержащих систему общеобязательных правил поведения и координат их применения на практике, адресованных неопределенному кругу лиц и рассчитанных на неоднократное применение, и **правореализационный дискурс**, который предполагает интерпретацию данных источников и инструктивное применение на практике содержащихся в них норм, а также создание текстов, которые развивают содержание источников права, но не являются нормативными.

В силу конкретных задач и функционально-го статуса субъектов правотворчества и правореализации, а также создаваемых текстов в структуре правотворческого дискурса могут быть выделены следующие разновидности: законотворческий дискурс и дискурс подзаконных актов нормативного характера; разновидности правореализационного дискурса – правоприменительный дискурс и судебный дискурс.

Юридический дискурс и его подвиды (разновидности) характеризуются свойством интердискурсивности, поскольку он формируется и развивается наряду с другими типами институциональных дискурсов, а разновидности и подвиды юридического дискурса являются

¹ См.: Батюшкина М.В. Дискурсивные доминанты законотворчества. М., 2022. С. 7–28. Об институциональном дискурсе и дискурсивном подходе подробнее: Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистич. энцикл. словарь. М., 1990. С. 136–137; Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997; Дейк ван Т.А. Дискурс и знание // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 18. № 13 (156). С. 5–23; Карасик В.И. Дискурс // Дискурс-Пи. 2015. Т. 12. № 3–4. С. 147–148; Фуко М. Порядок дискурса. М., 1996.

неотъемлемыми составными частями его пространства.

Юридический дискурс и его подвиды (разновидности) объединяет функциональный императивно-регулятивный аспект (то, для чего формируется и развивается дискурс данного типа) – государственно-публичное регулирование социальных отношений, целенаправленное воздействие адресантов, обладающих властными полномочиями, на иных субъектов и определенный спектр отношений, реализуемых с помощью вербальных и невербальных средств.

Наряду с общей функцией юридическому дискурсу и его подвидам (разновидностям) свойственны общие признаки:

социально-культурная и языковая среда, темпоральность и локальность формирования и развития;

закрепленность за источником публичной власти, субъектная стратификация и иерархия (должностная субординация), делегирование полномочий при сохранении контроля над решением делегируемых вопросов в компетенции делегирующего;

концептуализация публичной власти, символизация ее источника (*государственный (первый среди равных) язык, главный (основной) закон, принесение присяги на основе конституционного (главного) текста*);

транслируемая социальная значимость и императивность, категоричность, безусловность установленных правил и презумпции (негласные, но очевидные для субъектов дискурса правила, например *незнание закона не освобождает от ответственности*);

преемственность традиций модельного создания текстов, формульных и структурно-содержательных особенностей (алгоритмов) выражения волеизъявления, общие коммуникативные «скрепы», общее «ядро» понятийно-терминологической системы.

Различаются подвиды и разновидности юридического дискурса частными задачами и функциями, объектом и предметом отношений, составом участников, коммуникативными стратегиями и средствами, жанровой дифференциацией порождаемых текстов и ритуалами их создания, символами-идентификаторами (дискурсивами, персонами), ситуационными контекстами, преобладающими лексическими регистрами.

Первостепенную роль в моделировании и упорядочивании процессов правотворчества и правореализации выполняет принятие и применение **текстов законов**, занимающих приоритетное положение в юридическом

дискурсе, имеющих наибольшую значимость («наивысшую юридическую силу») по сравнению с другими юридическими текстами.

Тексты законов являются промежуточным звеном между правом – абстрактной моделью общественных отношений, «идеалом истины и нравственного блага»² и многофакторной реальностью. В связи с тем, что в тексте закона происходит первичная репрезентация данной модели, правовое правило, содержащееся в законе, может быть рассмотрено в качестве правотворческой текстовой вариации абстрактной модели общественных отношений.

При применении положений закона на практике осуществляется необходимое «до-страивание», содержательное наполнение проектируемых отношений. Образуется множество правореализационных вариантов, одновременно отражающих как абстрактную модель правового регулирования, так и ее вариацию, представленную в законе.

Благодаря исполнению адресантом (создателем) закона и адресатом закона своих функций, в том числе речемыслительных (кодирование / декодирование информации), осуществляется первичное и вторичное проявление модели регулирования общественных отношений: адресантами (субъектами правотворческого дискурса) – в тексте закона в виде вариации правовой нормы, адресатами (субъектами правореализационного дискурса) – при восприятии и интерпретации закона, применении на практике его положений в виде вариантов правовой нормы.

Правореализационные варианты могут быть рассмотрены в качестве продуктов правоприменительного либо судебного дискурса.

С одной стороны, такие варианты обусловлены субъективными причинами – различными неопределенными, неверными интерпретациями норм и понятий, правил и алгоритмов действий. С другой стороны, варианты детерминированы объективными обстоятельствами, связаны с «исторически меняющимся социальным контекстом действия права»³, с периодом, прошедшим со времени принятия закона, изменением жизненной ситуации или непредвиденным исходом события, наступление и течение которых регулируются законом.

Потенциальным интерпретатором закона является любой, кто обращается к тексту зако-

² Юртаева Е.А. К пониманию закона в дореволюционной России // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 83.

³ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 125.

на и его содержанию как объекту восприятия и осмысления: слушающий, читающий, реализующий правовую норму.

С опорой на научные труды, посвященные проблемам восприятия и осмысления текста⁴, сделаем акцент на том, что текст закона, как и любой иной текст, воспринимается и осмысливается адресатом сквозь призму мировоззрения и индивидуального речемыслительного опыта. В связи с этим мы разделяем точку зрения Г.А. Гаджиева о том, что «смыслы, которые субъект понимания приписывает объекту понимания, он черпает из своего внутреннего мира – мира индивидуального сознания, образующего основу понимания»⁵.

Адресат закона (не юрист), как правило, не осознает подтексты закона (экономический, политический и др.), системные связи между нормами закона, разными законами, законами и иными актами, не соотносит правило, установленное в законе, и его реализацию на практике.

Затрудняют понимание закона те языковые и юридико-технические средства, которые применяются при его создании для выражения правовой мысли: многокомпонентные термины и перечни, оценочная лексика, клише, сложная синтаксическая структура, совмещение или последовательность определительных и иных оборотов, скопление отглагольных существительных, повтор одних и тех же понятий.

Варьирование в виде сужения или расширения правовой семантики, совершенно недопустимое с точки зрения необходимости точной и однозначной интерпретации законодательной нормы, имеет для адресата закона субъективное обоснование, поскольку благодаря доосмыслению транслируемая информация воспринимается адресатом в виде целостной и завершенной, соотносится с его знаниями и опытом.

Необходимость в судебном толковании возникает прежде всего при неопределенности понимания правовой нормы. Как отмечают М.В. Горбаневский и Г.Н. Трофимова, предмет толкования является разъяснение смысла, содержащегося в положениях

закона, спорные формулировки, по-разному понимаемые сторонами судебного разбирательства⁶.

В частности, Конституционным Судом РФ (в лице судей как основных интерпретаторов) в процессе толкования выявляются и сопоставляются: буквальный смысл закона; смысл, придаваемый закону официальным и иным толкованием; смысл, придаваемый закону в сложившейся практике; смысл, образуемый исходя из взаимосвязи законов, положения закона в системе правовых актов⁷. Как отмечает Т.Я. Хабриева, при осуществлении толкования суд ограничен обстоятельствами конкретного дела, казуса, по отношению к которому осуществляется толкование⁸.

Выявленный конституционно-правовой смысл, отраженный в судебном документе, является в юридическом дискурсе обязательным, окончательным, не подлежащим обжалованию и исключающим иное официальное толкование. Последующие судебные решения в истолковании, отличном от выявленного смысла, либо отменяются, либо приводятся в соответствие с выявленным смыслом⁹.

В правореализационном дискурсе обнаруживаются и различные «дефекты», не позволяющие задуманным образом регулировать общественные отношения. К таким дефектам, наряду с нежелательным искажением (сужением или расширением) смысла закона при толковании, могут быть отнесены: неполнота, дублирование или избыточность регулирования; отсутствие в законе необходимого понятия; противоречие между нормами одного закона или нормами разных законов; нарушение единства понятийно-терминологического состава закона.

Нередко дефекты, а также выбор в пользу того или иного понимания нормы закона обуславливают последующую корректировку его текста. Другими словами, правопримени-

⁴ См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. Т. 2. М., 1956; Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983; Бельдиян В.М. Текст как лингвистическая реальность // Теория текста: внутренняя и внешняя структуры. Ташкент, 1993. С. 9–33.

⁵ Гаджиев Г.А. О понимании и правопонимании в конституционном праве // Толкование правовых актов. Симферополь, 2019. С. 43.

⁶ См.: Горбаневский М.В., Трофимова Г.Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет. М., 2021. С. 24–26.

⁷ Статья 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 12 пункта 1 и пункта 3 статьи 164, а также пункта 14 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой компании «Gazprom Neft Trading GmbH».

⁸ См.: Хабриева Т.Я. Особенности казуального толкования Конституции РФ // Избранные труды. Т. 6. М., 2018. С. 99.

⁹ См. там же.

тельный и судебный дискурсы (многофакторная реальность) влияют на законотворческий дискурс и **развитие представления** о правовом регулировании общественных отношений. В связи с этим сделаем ссылку на научные труды Х.И. Гаджиева, В.В. Момотова об эволюции правоотношений в результате правоприменения, о судебных разъяснениях упреждающего характера и влиянии судебной практики на законотворчество¹⁰.

Такой подход согласуется с социологической точкой зрения Н. Лумана, согласно которой правовая система одновременно характеризуется «нормативной замкнутостью» и «когнитивной открытостью», способностью «самокорректироваться» под воздействием социальной практики¹¹.

Существование внутригосударственного юридического дискурса предполагает создание законов с учетом определенных правил, моделей и понятий, обязательное официальное опубликование данных законов на языке, который наделяется статусом **государственного** (общегосударственного, межнационального) и/или языка официального общения. Юридический статус государственного языка, его приоритетность по отношению к другим языкам, используемым при реализации дискурсивных функций, в официальной коммуникации, объединяющая роль в едином многонациональном государстве закрепляются в законе: *государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов РФ* (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ); *государственный язык РФ подлежит обязательному использованию при официальном опубликовании законов* (ст. 3 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»); *государственный язык — язык, законодательно закрепленный для обязательного использования в политической, экономической, социальной, культурной и других официальных сферах; официальный язык — язык, законодательно закрепленный для использования в*

официальных сферах наряду с государственным (ст. 1 Модельного закона «О языках» / приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи СНГ от 4 декабря 2004 г. № 24-6).

Развивая положение В.Т. Фаритова о «дискурсивной относительности»¹², отметим, что специфику государственного языка невозможно раскрыть на примере неюридического дискурсивного пространства, поскольку в иных дискурсивных пространствах происходит нейтрализация его дискурсивной определенности и роли. Абстрагирование от внутригосударственного юридического дискурса приводит к утрате государственным языком статусно-функциональной и смысловой сущности. Границы понимания феномена государственного языка обусловлены представлением об официальных сферах общения, в которых его использование является обязательным.

Законодательные тексты могут официально опубликовываться на нескольких языках в том случае, если такие языки признаются государственными, по статусу равнозначными. В частности, республики, находящиеся в составе Российской Федерации, вправе устанавливать свои государственные языки (ч. 2 ст. 68 Конституции РФ; п. 2 ст. 3 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации») и опубликовывать на данных языках конституции и иные законы республик¹³. *Обязательность использования государственного языка РФ не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе РФ* (п. 7 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»).

В отличие от государственного языка, рассматриваемого в статусе языка официального опубликования закона, в отношении иных языков, на которых публикуются законы и иные

¹⁰ См., например: Гаджиев Х.И. Роль судебной интерпретации в эволюции правоотношений // Российская юстиция. 2022. № 1. С. 63–66; Момотов В.В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 3–10.

¹¹ См.: Luhmann N. Law as a social system. Oxford University Press. 2004; Тухватуллина Л.А. Рациональность в праве: подход Н. Лумана // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 178–188.

¹² Фаритов В.Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология & философия науки. 2014. Т. 39. № 1. С. 134.

¹³ См., например: Закон Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 г. № 216-з «О языках народов Республики Башкортостан»: *Законы Республики Башкортостан официально публикуются на государственных языках Республики Башкортостан* (п. 1 ст. 11); *Государственными языками Республики Башкортостан на всей ее территории являются башкирский и русский языки: башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавшей свое право на самоопределение, русский язык как государственный язык РФ* (п. 1 ст. 3).

нормативные правовые акты, применяется статус языка опубликования (без соответствующего маркирующего определения)¹⁴.

Приоритет того или иного языка в юридическом дискурсе проверяется реализацией установленного права, объемом употребления этого языка, как законодательно моделируемым, так и фактическим. Востребованность (большая востребованность) языка в правотворчестве при опубликовании закона обуславливает востребованность (большую востребованность) этого языка при применении закона на практике, в официальной коммуникации.

Созданная и непрерывно развиваемая внутривластная законодательная система, в составе которой и федеральные, и региональные законы, несмотря на законодательно установленную возможность официального двуязычия (многоязычия), формируется главным образом на русском языке как государственном языке Российской Федерации¹⁵.

Большая функциональная востребованность русского языка в юридическом дискурсе, отраженная в законодательном закреплении различных статусов (*государственный язык, официальный язык, язык делопроизводства, язык судопроизводства, язык проведения выборов и референдумов, язык межгосударственного общения, язык межнационального общения* и др.), обусловлена численностью носителей языка, степенью его территориальной

(субъектовой) распространенности, вкладом в правотворческую культуру, широтой выполняемых задач, кодифицированностью, наличием понятийно-терминологической базы, необходимой для официального общения, и другими факторами.

Важен и иной аспект соотношения закона и государственного языка (как языка официального опубликования законов) — **лингво-нормативный**.

С помощью текстов законов, которые создаются и публикуются (обнародуются) на государственном языке — языке официального опубликования законов, формируется представление о том, что создание закона на государственном языке обеспечивает высокое лингвистическое качество этого закона, его соответствие нормам языка, утвержденным правилам правописания (орфографии и пунктуации). Другими словами, в законе, созданном на государственном языке, не может быть орфографических, пунктуационных, лексических, стилистических и иных ошибок.

В частности, это представление применительно к русскому языку как государственному языку Российской Федерации отражено:

1) в требованиях к соблюдению норм языка при создании закона (*при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани) — за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке, перечень которых содержится в нормативных словарях*¹⁶);

2) официальном толковании понятия языковой нормы (*при этом под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации*¹⁷; для целей настоящего Федерального закона под нормами современного русского литературного языка по-

¹⁴ См., например: Закон Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 г. № 216-з «О языках народов Республики Башкортостан»: *Нормативные правовые акты наряду с официальным опубликованием могут публиковаться и на иных языках народов Республики Башкортостан* (п. 1 ст. 11).

¹⁵ См. подробнее: Белов С.А., Кропачев Н.М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? // Закон. 2016. № 10. С. 81–97; Вербицкая Л.А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // *Liberal Arts in Russia*. 2015. Vol. 4. No. 2. P. 90–100; Дубровская Т.В., Кожевникова Е.И. Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентация в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» // Научный диалог. 2020. № 10. С. 37–48; Кианова О.Н. Проблемы совершенствования законодательства (о языке законодательного акта) // *Права человека и политика права в XXI веке: перспективы и вызовы*. Саратов, 2022. С. 540–553; Кушнерук С.П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа // Научный диалог. 2012. № 12. С. 111–123; Руднев Д.В., Садова Т.С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // *Журнал российского права*. 2017. № 2. С. 56–66.

¹⁶ См.: Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (п. 6 ст. 1).

¹⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации».

нимаются совокупность языковых средств и правила их использования, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках¹⁸;

3) официальном утверждении грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы языка при его использовании в качестве государственного, требований к таким изданиям, а также в создании цифровых информационных ресурсов, содержащих нормы современного русского литературного языка¹⁹;

4) проведении лингвистической экспертизы (редакторской проработки) текстов проектов нормативных правовых актов, в том числе с использованием информационных технологий, в осуществлении контроля за соблюдением должностными лицами норм современного русского литературного языка²⁰.

При этом следует учитывать, что на развитие представления о государственном языке как языке официального опубликования законов оказывают влияние сложившиеся традиции правотворчества и жанрово-стилистическая форма выражения права (информация о которых, как правило, не отражается в словарях, грамматиках и справочниках).

В силу тенденции к упорядоченности, единообразному использованию юридико-технических средств (которые можно рассмотреть в качестве жанрово-стилистических), государственный язык — язык официального опубликования законов характеризуется жанрово-стилистической спецификой, в меньшей степени отражает вариативность общезыковую, межстилистическую.

Например, для текстов законов не характерно употребление написаний, свидетельствующих о смене орфографических рекомендаций, начальном этапе заимствования (единичны такие примеры, как *оффшорный* — *офшорный*, *видео-конференц-связь* — *видеоконференц-связь*, *блогер*, *фам-трип*, *краудфандинг*, *SWOT-анализ*). Определенное написание используется в законе после завершения этапа закрепления слова в языке

и в том варианте, который рассматривается в качестве нормативного (*Интернет* — с прописной буквы).

В свою очередь, закреплённость какого-либо варианта написания в законе обуславливает его восприятие в качестве официально утвержденного и правильного (нормативного, традиционного), затрудняет замену данного варианта более актуальным, ставшим общепотребительным в иных текстах (например, *интернет*).

И наоборот, типичными для законов (но наименее изученными) являются варианты-дискурсивы, отражающие функционально-смысловую специфику общей юридической либо частной отраслевой сферы, имеющие правовую аргументацию написания, характеризующиеся традицией употребления в правовых текстах (*оперативно-розыскной*²¹ / *оперативно-разыскной*²², *контроль (Род.п.) исполнения / контроль (Тв.п.) за исполнением*, *губернатор — Губернатор*, *мэр / Мэр*, *министр / Министр*, *администрация / Администрация*, *аппарат / Аппарат*, *регламент / Регламент*, *указ / Указ*, *информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»*).

Резюмируя и обозначая дальнейшие перспективы изучения заявленной темы, добавим следующее. Исследование закона и государственного языка с позиции дискурсивного подхода позволяет охарактеризовать сферу юридического дискурса, ценностно-идеологические установки и юридическую доктрину (принципы, цели, задачи), средства изложения наиболее юридически значимой информации.

Понятия *закон*, *государственный язык* имеют общую целевую аудиторию, сходные обусловленность и функциональность: являются инструментом государственной политики, обязательными символами и атрибутами официальности коммуникации, обеспечивают государственно-правовую общность, территориальную целостность и межнациональное единство, способствуют императивному выражению «государственной воли» и реализации права, отражают и одновременно порождают традиции создания правовых текстов.

¹⁸ См.: проект федерального закона № 221977-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (подп. «в» п. 1 ст. 1).

¹⁹ См.: приказ Минобрнауки России от 8 июня 2009 г. № 195 «Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» (приложение); проект федерального закона № 221977-8 (подп. «в» п. 1, подп. «г» п. 3 ст. 1).

²⁰ См.: проект федерального закона № 221977-8 (подп. «б» п. 3 ст. 1).

²¹ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

²² КоАП РФ, ст. 13.46 «Неисполнение обязанности по реализации требований к сетям и средствам связи, используемым для проведения мероприятий уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации».

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Батюшкина М. В. Дискурсивные доминанты законоотворчества / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2022. 160 с.
3. Белов С.А., Кропачев Н. М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? // Закон. 2016. № 10. С. 81–97.
4. Бельдиян В.М. Текст как лингвистическая реальность // Теория текста: внутренняя и внешняя структуры. Ташкент, 1993. С. 9–33.
5. Вербицкая Л.А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Liberal Arts in Russia. 2015. Vol. 4. No. 2. P. 90–100.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. Волгоград, 1997. 138 с.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. Т. 2. М.: Педагогика, 1956. 516 с.
8. Гаджиев Г.А. О понимании и правопонимании в конституционном праве // Толкование правовых актов. Материалы II Научно-всерос. конф. Симферополь, 2019. С. 33–58.
9. Гаджиев Х.И. Роль судебной интерпретации в эволюции правоотношений // Российская юстиция. 2022. № 1. С. 63–66.
10. Горбаневский М.В., Трофимова Г.Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет. М., 2021. 176 с.
11. Дейк ван Т.А. Дискурс и знание // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 18. № 13 (156). С. 5–23.
12. Дубровская Т.В., Кожевникова Е.И. Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентация в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» // Научный диалог. 2020. № 10. С. 37–48.
13. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество (Избранные труды). М., 1998. 368 с.
14. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. 719 с.
15. Карасик В.И. Дискурс // Дискурс-Пи. 2015. Т. 12. № 3–4. С. 147–148.
16. Киянова О. Н. Проблемы совершенствования законодательства (о языке законодательного акта) // Права человека и политика права в XXI веке: перспективы и вызовы. Саратов, 2022. С. 540–553.
17. Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа // Научный диалог. 2012. № 12. Филология. С. 111–123.
18. Момотов В.В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 3–10.
19. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. 215 с.
20. Руднев Д.В., Садова Т.С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 56–66.
21. Тухватуллина Л.А. Рациональность в праве: подход Н. Лумана // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 175–190.
22. Фаритов В.Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология & философия науки. 2014. Т. 39. № 1. С. 124–136.
23. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: сборник. М., 1996. 446 с.
24. Хабриева Т.Я. Особенности казуального толкования Конституции РФ // Избранные труды: в 10 т. Т. 6. М., 2018. 472 с.
25. Юртаева Е.А. К пониманию закона в дореволюционной России // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 83–98.
26. Luhmann N. Law as a social system. Oxford University Press. 2004. 498 p.

